

УДК 821.111-311.3.09

И. В. Русских
Днепропетровск

«РОДРИК РЭНДОМ» Т. СМОЛЛЕТТА В РЕЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Розглядається динаміка історико-літературного сприйняття роману Т. Смоллета «Пригоди Родрика Рендома» в академічній традиції XIX–XX ст. Життєпис героя, повний злигоднів і пригод, приніс молодому автору великий читацький успіх, а його ім'я стали згадувати в одному ряду з такими яскравими митцями епохи, як Дефо, Річардсон, Філдінг, Стерн. «Родрик Рендом», а потім наступні за ним тексти прозаїка не тільки утверджуються як класичні твори в історії англійської літератури, а й стануть предметом невищухаючої полеміки в середовищі літературних критиків різних поколінь. Дослідники не відмовлять Смоллету в таланті, але засумніваються в експериментальному характері його творчості. У ньому побачать романіста, який укоренив пікареску в національний ґрунт і надав їй завершені риси. Лише з плином часу визнають, що смоллетівські романи перетворювали вихідну модель шахрайського жанру й являли собою неповторний досвід створення характеру, котрий страждає від самотності і відчуження в нестабільному модерному світі.

Ключові слова: пікареска, авантюра, виховний роман, роман кар'єри, соціальні ролі і маски, духовне перетворення героя.

Рассматривается динамика историко-литературного восприятия романа Т. Смоллетта «Приключения Родрика Рэндома» в академической традиции XIX – XX ст. Жизнеописание героя, полное превратностей и приключений, принесло молодому автору большой читательский успех, а его имя стали упоминать в одном ряду с такими яркими художниками эпохи, как Дефо, Ричардсон, Филдинг, Стерн. «Родрик Рэндом», а затем последующие за ним тексты прозаика не только утвердятся как классические произведения в истории английской литературы, но и станут предметом неухаживаемой полемики в среде литературных критиков разных поколений. Исследователи не откажут Смоллетту в таланте, но усомнятся в экспериментальном характере его творчества. В нем увидят романиста, который укоренил пикареску в национальную почву и придал ей завершенные черты. Лишь с течением времени признают, что смоллеттовские романы преобразжали исходную модель плутовского жанра и являли собой неповторимый опыт создания характера, страдающего от одиночества и отчуждения в нестабильном современном мире.

Ключевые слова: пикареска, авантюра, воспитательный роман, роман карьеры, социальные роли и маски, духовное преображение героя.

The article investigates the dynamics of the literary-historical perception of T. Smollett's novel 'The Adventures of Roderick Random' in the academic tradition of the XIX - XX centuries. The hero's biography full of vicissitudes and adventures ensured the young author's success with the readers, and his name began to be mentioned together with such brilliant masters of the century, as Defoe, Richardson, Fielding, Sterne. 'Roderick Random' and then subsequent Smollett's texts not only established themselves as classics in the history of the English literature, but also became the subject of relentless controversy among the literary critics of different generations. The researchers will not refuse talent to Smollett, but will question the experimental nature of his works. He will be viewed as a novelist who 'implanted' picaresque novel into the national ground and gave it perfect features. Only in the course of time, it will be

recognized that Smollett's novels transformed the original model of the picaresque genre and gave a unique experience in creating the character who suffers from loneliness and alienation in an unstable modern world.

Keywords: *picaresque novel, adventure, educational novel, a novel of career, social roles and masques, spiritual transformation of the hero.*

Ворвавшись в литературу в «год великих романов», «едва ли удачное, если не самое худшее время для начинающего писателя» (Ф. Беге, 1947), Т. Дж. Смоллетт опубликует текст «Приключения Родрика Рэндома» ('The Adventures of Roderick Random'), который будет «замечен» (Р. Гиддингс, 1995), привлечет внимание читателей не только в Англии, но и на континенте. Имя Смоллетта станут упоминать в кругу известных литераторов как автора «выдающегося» (Х. Ходжес, 1958), имеющего неповторимый почерк, прозаика, «заявшего в художественном мире собственную нишу» (Д. Герберт, 1878), самого молодого¹ романиста, «достойного соперника» (Р. Андерсон, 1811), разделившего славу с такими большими авторитетами, как Ричардсон и Филдинг, и вошедшего в «тройку любимцев публики» (Ф. Беге).

Из первых трех романов Смоллетта: «Приключения Родрика Рэндома» (1748), «Приключения Перегрин Пикля» (1751), «Приключения графа Фердинанда Фатома» (1753), – появившихся с интервалом всего в несколько лет, именно его «блестящий дебют» (Д.П. Мирский, 1934) воспринимается «самым главным и значительным» (Д. Хэнни, 1887). Вышедший анонимно, «Родрик Рэндом» завоевал «мгновенный, впечатляющий и длительный успех» не только благодаря интриге вокруг авторства, которое поначалу приписывали Филдингу [7, с. 94]. Признание «искушенных лондонцев, жаждущих еще одного «Джозефа Эндрюса», либо все еще пребывающих под влиянием ричарсоновских текстов», произведение получило благодаря своей «необычности», «приземленности» и «правдивости», ряду узнаваемых личностей (в частности, в истории мистера Мелопойна), наглядному изображению морских сцен, которые оказались настолько точны, что были затем включены в «Отчет об экспедиции в Картагену» ('An Account of the Expedition against Cartegena') (1756), а сам текст, по признанию критиков, стал рассматриваться как предтеча морскому роману [7, с. 95; 5, с. 15]. Представляя собой «занимательное чтение», «захватывающую, мощную приключенческую историю» ('vigorous and swinging tale of adventure') (Д. Хэнни), написанную всего за несколько месяцев² и столь же быстро опубликованную, «Родрик Рэндом» будет соперничать за внимание аудитории с «Клариссой» Ричардсона (1748) и «Томом Джонсом» Филдинга (1749), «заставляя ее не спать всю ночь напролет» [7, с. 94, 96].

Как пронизательно заметит Л. Нэпп, «лишь немногие романы XVIII в.

¹ Ричардсону было 52 года, когда он опубликовал «Памелу» (1740–1741), Филдингу – 35, когда вышел «Джозеф Эндрюс» (1742), Смоллетту же исполнилось всего 27, когда появился «Родрик Рэндом» (1748).

² Исследователи высоко оценят быстроту работы Смоллетта ('amazing feat'), который написал роман, состоящий из 200000 слов, если исключить весьма долгие перерывы, всего лишь за 6 месяцев [7, с. 94].

сумели настолько угодить английскому читателю как смоллеттовский «Родрик Рэндом» [7, с. 99]. Смоллетт, чей роман переиздавался большими тиражами, оказался чрезвычайно успешным автором, «одним усилием заявившим о себе как о профессиональном писателе» (Р. Гиддингс), занявшим место «в первых рядах мировых романистов» (Д. П. Мирский) [5, с. 15]. Имя же заглавного героя вошло в моду настолько, что значилось в заголовках многих драматических постановок и джестбукс, им называли скаковых лошадей и даже пользовались тайные агенты [7, с. 97–98]. Получив восторженные отзывы современников, «Родрик Рэндом» стал «любимцем» английской литературной критики второй половины XVIII в., продолжая занимать исследователей последующих столетий (Л. Келли, 1987), поместивших его в «десятку лучших романов мира» (Ф. Беге).

Вместе с «Родриком Рэндомом» в английскую литературу входит тип романа Смоллетта, оценить который «очень трудная задача» (Х. Ходжес). Именно первое произведение большой эпической формы откроет особую модель жанра, сюжета и героя Смоллетта, представит на суд читателя историю динамично движущегося молодого протагониста, проходящего «путь от младенчества до женитьбы» (Д. Герберт), «от мальчика до мужа» (Ю.Г. Фридштейн, 1998), включающегося в разные социальные слои и наблюдающего панораму жизни.

Смоллетт, который войдет в литературу со своим взглядом на нее, считает необходимым дать собственную эстетическую программу, предпослав ее к тексту «Родрика Рэндома». Как и другие литераторы эпохи, он включится в спор о романе и предложит свой путь реформирования жанра, увидит необходимость преобразования *romance*, откажется от его «ложных ценностей» (Д. Брюс, 1964), выделив среди них безудержный вымысел и «волшебство», «чудовищные гиперболы» ('the most monstrous hyperboles') и удаленные от реальности, невероятные темы [1; 9]. Увлеченный «правдой человеческого опыта», «превратностями жизни», Смоллетт позиционирует себя в ряду тех, кому интересна повседневность как основа для «социального репортажа» (Д. Брюс), «с гордостью» определит себя в наследниках Сервантеса и Лесажа, отнюдь не скрывая особой приязни к автору «Жиль Бласа», над переводом романа которого писатель трудился одновременно с «Родриком Рэндомом»¹ [4, с. 74; 1, с. 3]. Любопытно, что известный английский портретист, Натаниэль Данс, изобразит Смоллетта (1764) именно с этой книгой его эстетического кумира [4, с. 63].

По мнению М. Голдберга, предисловие к «Родрику Рэндому», где Смоллетт заявляет, что следует «плану Лесажа», частично «несет ответственность» за то, что его сочинения описывают, соотнося с плутовской традицией, обращая «внимание на очевидные параллели» между «Жиль Бласом» и «Родриком Рэндомом» [1, с. 5; 6, с. 23]. И хотя у Смоллетта многое напоминает Лесажа и критики, «завороженные сходством», это

---

¹ Смоллеттовский перевод «Жиль Бласа» появится в том же году, что и «Родрик Рэндом» (1748) с интервалом в 9 месяцев.

подчеркивают: романистам важен канон пикарески как «образец сатирического письма», направленного против «хаоса и разрушения, которыми ... общество пугает индивида» [6, с. 23; 3, с. 3]; обоим кажется привлекательным показать широкую панораму действительности и лишённые идиллического восприятия картины мира, «героев, находящихся в разногласии с человечеством» (Д. Брюс), «похожих» в выполняемой ими «функции аутсайдеров», своих «инстинктах к самосохранению и выживанию» (Дж. Бизли, 1985), – в «Родрике Рэндоме» «больше ощутима нравственная традиция английской культуры XVIII в.», этическая тема, которая «уводит» Смоллетта от Лесажа и авторов плутовских романов (М. Голдберг), «вносит в его версию пикарески грань морального идеализма» (Дж. Бизли), «трансформируя бессвязные путешествия плута в серьёзный поиск мирского и духовного счастья» (Т. Престон, 1975), наделяя их «моральной значимостью» (П.-Г. Бусе, 1976) [3, с. 3; 6, с. 22–23; 4, с. 103].

Оставляя за собой «свободу отклоняться от «Жиль Бласа», Смоллетт «вступает с Лесажем в интересную полемику» (А.А. Елистратова, 1945), считая изображение окружающей среды в его романе слишком нейтральным, несчастья Жиль Бласа, где не всегда понятны мотивы его перехода «от отчаяния к радости» – едва вызывающими сочувствие, а само поведение персонажа «неправдоподобным» [1, с. 5]. Сам же Смоллетт, предложив читателю текст, где присутствует установка на подлинность, факт, этическую проблематику, стремится вызвать у него «благородное негодование» по поводу «презренных и порочных нравов общества» ('generous indignation...against the sordid and vicious disposition of the world') [9, с. 42]. Он «отходит от практики создания биографий о плутах», «хочет писать о таких злоключениях героев, которые вызовут не смех, а сострадание» (Г.В. Аникин, Н.П. Михальская, 1985) и предлагает в своем романе «воображаемую моральную историю сбившегося с пути искателя приключений» (Дж. Бизли), «героя «скромных достоинств», весьма нравственного, но с обилием слабостей» (Д. Дейчес, 1974) [2, с. 115]. Придав повествованию узнаваемые национальные темы и колориты, Смоллетт прокомментирует тип персонажа, объяснит, почему в качестве протагониста избрал шотландца, среди главных причин выделив достойное образование шотландцев, их «простоту нравов» и «склонность к путешествиям» [1, с. 6; 9, с. 41–42].

Смоллетту интересен путь своего героя, который также молод, как и автор¹. Преодолевая драматические обстоятельства, над коими он поначалу не властен, ему суждено увидеть разный мир – и парадную, и теневую стороны. Уже в первом романе Смоллетт предложит «формулу жизни» протагониста (К. Пробин, 1987), главными составляющими которой станут тема семьи и ее распада, годы учений и юношества, обретения профессии и странничества, попытки найти себя через обилие социальных авантур и

---

¹ Можно даже предположить год его рождения (1720, либо 1721), дата, весьма близкая появлению на свет Смоллетта.

определенный род занятий, которые у Родрика весьма многочисленны: «временами он английский моряк, французский солдат, помощник аптекаря, несправедливо обвиненный в краже, лакей, сатирик, местный помещик и джентльмен» (У. Пайпер, 1963) [8, с. 110].

Смоллетт выведет на страницы романа сложного, разорванного героя, ощущающего собственное одиночество и подвергающегося испытаниям в большом пространстве города, которое окажется важным сюжетным поворотом в его жизни. Именно здесь он поначалу предстанет как человек, наделенный несчастливой судьбой, «игрушкой фортуны», затем, ощущая давление среды, научится к ней приспосабливаться, переживая падения, взлеты, определит город как сцену, где играя роли, меняя маски, выступит в различных амплуа. «Эластичность» смоллеттовских персонажей настолько высока, что подобно джокерам в карточных играх, они могут примерять любой костюм, иметь дело с любым противником и достигать вершин любых проказ и обмана» (У. Пайпер). Любопытно, что каждое пребывание протагониста в Лондоне (хотя и довольно непродолжительное) определяет перемены не только в его жизни, но и в его характере.

Первое знакомство со столицей (глава XIII) Родрика Рэндома, весьма талантливого, впечатлительного, не свободного от гордыни и амбиций юноши, состоится, когда ему едва исполнится восемнадцать-девятнадцать лет. В натуре Рэндома уживаются различные стремления и наклонности. По отцу он принадлежит влиятельному шотландскому клану, однако низкое происхождение матери лишает его прав на наследство. Страдая от «несправедливости судьбы, оставившей его сиротой, несправедливости деда, отказавшегося взять на себя заботы о нем и несправедливости школьного учителя, стремящегося всячески «предотвратить» его развитие, подвергаясь унижениям и наказаниям за несовершенные им «озорные проступки» [1, с. 15–16; 4, с. 106], Родрик становится «жертвой» обстоятельств и среды, где ведущую роль играет случай, отнюдь к нему не милостивый. Именно благодаря случаю он не единожды окажется в «ненадежном положении», однако, даже несмотря на то, что Родрик «обречен на неудачу», он «не все время несчастен» [1, с. 35; 4, с. 105]. Для Смоллетта важен «баланс между доброй и злой фортуной», которые будут менять судьбу его протагониста, положение в жизни и обществе. Не удивительно, что часто путь смоллеттовского героя многие исследователи определяют через метафору «возвышения и падения», чертят графики его движения, представляя их в виде 'W', где верхними границами оказывается рождение Родрика, его встреча с Нарциссой в Бате и их женитьба, а двумя нижними точками – физическое, социальное, психологическое крушение и финальное заключение в тюрьму Маршалси [4, с. 115, 142]. По мнению М. Голдберга, движение персонажа по жизни – это часто пути катастроф, при этом каждая последующая больше предыдущей [6, с. 38–39]. Так, второй «реверс фортуны» будет иметь место в Лондоне, куда Родрик отправляется в 1 ноября 1739 г., мечтая «поступить на военный корабль помощником морского врача». Уже в первые «сорок восемь часов» шотландец, «не

знающий жизни», «не умеющий контролировать себя», столкнется с грубостью и неприязнью [1; 4, с. 106]. Пройдет время и Родрик обучится искусству выживания в неудобном, враждебном Лондоне, однако осознает контраст между опытом столицы и тех провинциальных городков, где он получал временное пристанище в периоды скитаний и странничества. Герой теряется в лабиринте улиц и закоулков, лишается денег, не сумеет избежать «ловушек, расставленных в столице для неопытных людей». Именно площади, многолюдные улицы и бойкие перекрестки окажутся теми подмостками, где развернется «битва за жизнь» Родрика Рэндома, в котором часто узнавали самого Смоллетта. Дж. Бизли полагает, что Смоллетт поделился со своими персонажами собственным чувством восприятия городского пространства человека Нового времени, который не безболезненно усваивает уроки урбанистической культуры. Вероятно, поэтому во многих текстах Смоллетта присутствует мотив видения Лондона как «непривлекательного, заполненного толпой города, несущего зло обитателям».

Пребывание в Лондоне усиливает у Родрика чувство одиночества, неприютности, порождает проблему общения. Он не только испытывает враждебность со стороны горожан, подвергается оскорблениям и унижениям, но и становится «объектом насмешек и жертвой жестокого обращения» (Бизли, 1985, с. 3) из-за шотландского акцента, от которого стремится избавиться, обучаясь нормам английского языка [1, с. 99, 92, 86, 87–88]. Рэндом поначалу теряется, не находит приемлемых для себя правил поведения, ему трудно понять механизм социальных отношений, столь неустойчивый для Лондона. Он пока лишь обескураженный зритель картин, сцен повседневной жизни столицы.

Драматические обстоятельства и сложный опыт урбанистического мира, где царят порок, обман, дурные нравы, прививают смоллеттовскому персонажу «отрицательные свойства» (В. Н. Шейнкер, 1957). «Плут по неволе» (Г.И. Макарова, 1984), демонстрирующий находчивость, изобретательность (Р. Спектор, 1968), он пролагает путь, «обретая временные характеристики пикаро» (М. Голдберг), которые «являются своего рода «мимикрией, защитной окраской, ответной реакцией» (В.Н. Шейнкер), «часто его поведение не лучше, чем поведение преступника» (Дж. Бизли, 1982). И хотя Родрик отнюдь не пренебрегает ролью плута, он нередко отходит от нее в силу особенностей своего характера. М. Голдберг считает, что в Родрике есть разные чувства: «привязанность и враждебность, дающая радость любовь и горький антагонизм», которые являются «индикаторами двойственного мира», гоббсовского и шефтсберианского универсума, при этом Рэндом часто их путает, «принимая гоббсовский эгоизм за человеческое шефтсберианство» [6, с. 32–33, 35]. Такая разорванность подчеркивается и в семантике имени протагониста, где дано сочетание романического имени, «намекающего на наивное благородство героя» (Дж. Бизли), чьи иллюзии разбиваются при столкновении с жестокой реальностью (П.-Г. Бусе), с фамилией, являющейся «индикатором

случайного и бессистемного способа жизни, не ведомого разумом» (М. Голдберг), «указывающей на опасности, которые таит в себе изменчивое качество нравственной жизни человека в хаотичном, неприятном мире» (Дж. Бизли), предполагающей, что «ее носителю суждено быть игралищем случая» (А. А. Елистратова) [2, с. 78; 4, с. 107; 6, с. 39;].

Приметами поражения, первых неудач на пути к успеху окажутся те границы Лондона, в которых Родрик Рэндом вынужден будет существовать: это окраины, редкие посещения центра города (Сити, Челси, Сен-Джемской рыночной площади) и олицетворяющих власть социальных институтов (военно-морского ведомства, Палаты хирургов). Смоллетовский протагонист живет в очень неприглядном, теневом Лондоне (снимает жилье недалеко от церкви Сен-Джайлс, Сен-Мартин-Лейн, посещает лавчонки, пивные, подвалы, погребки, публичный, арестный дом), и отведенные Рэндому узкие коморки, наполненные зловонием погребки и подвалы, «как подземная тюрьма» темные, маленькие комнатки определяют пока еще скудные возможности, дарованные ему судьбой. Движение Родрика в столице, как правило, соотносится с его социальными ролями [1, с. 92, 105, 138, 119, 89, 151]. Потеряв надежду на быстрый путь к процветанию и славе, имея «звание второго помощника лекаря третьего ранга», Рэндом не будет принят на корабль. Он поступит в услужение к аптекарю Лявману, постепенно узнавая столицу, откроет для себя другой Лондон, «город-досуг», где избавится от неуклюжих манер, обучится танцам, посетит в праздничные дни театр, утвердится «оракулом в пивной», придет к мысли о выгодной партии с богатой наследницей и даже наметит для себя возможную избранницу, мисс Уильямс [1, с. 123, 129, 137, 143]. Влекомый течением «судьбы-реки», он окажется неготовым к испытаниям города и будет вытеснен за ее пределы (на Тауэр Хилле на него нападает банда вербовщиков и доставляет на борт судна). Так, морские и военные приключения станут следующим этапом его жизни (участвует в осаде Картахены на стороне британских войск; Деттингенском сражении в составе французской армии).

Если первый эпизод знакомства с Лондоном (главы XIII–XXIV) пока еще провинциального героя, не знающего мир и не умеющего бороться с жизненными невзгодами, связан с безуспешными поисками покровителя, то уже второй приезд Родрика в столицу (главы XLV–LIII), к которому он тщательно подготовится (испытает себя и свою судьбу на поприще войны, приобретет мужественные черты, совершит образовательное путешествие в Париж) покажет читателю изменившегося персонажа, теперь уже праздного искателя приключений, который будет стремиться найти не столько достойную службу, профессию, сколько быструю дорогу к успеху. Социальным пространством, органичным Рэндому, «весьма видному джентльмену», становится лондонский свет, где он может показать себя, завести полезные связи, реализовать неосуществившиеся ранее «матримониальные планы». Родрик хорошо ориентируется в Лондоне, он динамичен, не знает покоя, часто прогуливается («пошли по Мейл, по которой два-три раза прошли»), интересно проводит время на аукционах

картин, балах, в кофейнях, встречается с друзьями, становится участником шумных кутежей и дуэлей [1, с. 356, 365, 320, 359, 335, 348, 397, 360–363]. Смоллетт проведет своего героя через центр города, его знаменитые кофейни (кофейня Бедфорда), трактиры («Национальный флаг» в Уэппинге), ассамблеи в Хэмстеде, обозначит главные улицы: Чаринг-Кросс, Мейл, Тоттенхем-корт-род, Уайтхолл, Бонд-стрит, Темпль, Монмаут-стрит [1, с. 320, 334, 356, 358, 346, 371, 372, 397]. Изменится и круг общения Рэндома, который откроет для себя представителей высшего общества, вельмож (лорд Стрэдл, граф Стратуел), военных, врачей (мистер Уэгтейл), художников (мистер Слейбут), актеров. Желая обрести успех, заключить выгодный брак и оседлать судьбу, Рэндом усваивает светский тип поведения, становится галантным игроком, примеряющим на себя «титул маркиза», маски «переодетого иезуита», «агента», «ирландца, гонящегося за богатыми невестами». Обманутый в матримониальных чаяниях, Родрик подумывает «о службе правительству» и в стремлении сделать карьеру находит покровителей-аристократов (лорда Стрэдла и графа Стратуела).

Искушение протагониста тщеславием продолжится в Бате (главы LV–LX), курортном городке, куда он направится после неудавшихся попыток быть принятым в высшее общество. Светские увеселения (в ассамблее, Галерее минеральных вод, Большом зале), «авантюры и любовные шалости» в цепи выстроенного им пути наверх, когда Рэндом прожигает жизнь и его вот-вот настигнет удача (он пожнет плоды выгодного брака с мисс Снэппер), отбрасываются после «судьбоносной встречи с Нарциссой». Смоллетовский протагонист, в имени которого уже заложена установка на двойственность и противоречивость, открывает в себе новую грань – не столько искателя приключений, сколько человека чувств.

Родрика, демонстрирующего примеры непикареского поведения, едва ли можно назвать «антигероем»: «он руководствуется моральной гордыней и негодованием, а не изобретательностью, хитростью и жаждой наживы как пикаро» [6, с. 30]. «Спонтанное негодование» протагониста, полагает А. Маккилоп, представляет для Смоллетта нечто «этического пути напрямик» ('ethical shortcut'), его путешествия служат самопостижению, учат Родрика, стремящегося обрести счастье и успех, достичь духовной гармонии, «контролировать собственные страсти разумом, эмоции – пониманием» [6, с. 22]. Его функция не просто выжить, добиться богатства, плутовать. Это «более сложный» (Дж. Бизли), «более глубокий» характер, «человек чувствительный негодующий» (Т. Престон, 1975), который «бунтует перед злом, страдает тем, кого притесняют» (Ф. Стевик, 1987), чувствует, любит, в то время как «пикаро не мог позволить себе роскоши иметь личные переживания» (Р. Спектор, 1968) [2, с. 115].

Спустя время, еще раз попав в Лондон после отчаянных попыток «выиграть состояние» за карточным столом (главы LX–LXIV), герой испытывает страдания из-за внезапного отъезда Нарциссы, которую из Бата увозит брат [1, с. 452, 455]. Видимо, Родрик переоценит себя. Тщеславие, бедность сыграют с ним злую шутку: Рэндома уличают в обмане,

арестовывают, препровождают в «мрачное жилище», «маленькую, жалкую комнатку» долгой тюрьмы Маршалси, откуда его выручит дядя. Вместе с ним Родрик совершит рискованное плавание к берегам Гвинеи, обогатится, торгуя рабами, остановится в Буэнос-Айресе, где найдет отца, дон Родриго, затем отплывет на Ямайку и спустя полтора года вновь вернется в Лондон (глава LXVII), уже не как «охотник за приданым» и герой холодного, трезвого рассудка, а как «великодушный и чувствительный человек», где встретится с «верной и любящей Нарциссой» [1, с. 445, 495, 500, 500–508].

В «Приключениях Родрика Рэндома» действие, так же, как и в авантурных романах, развивается стремительно, оно переменчиво, присутствует определенная острота сюжетных ситуаций, есть эмоциональность переживаний, мотивы преследования, загадок, тайн. Но более всего об авантурной поэтике произведения свидетельствует тип героя – искателя приключений и наживы, который активно действует, пускается в путь с определенной целью, чаще всего преследуя выгоду. Тем не менее, главный герой Смоллетта выступает в маске истинного авантюриста лишь на определенном этапе своей жизненной истории, когда эта роль становится для него органичной, поскольку поначалу он сам – жертва авантюристов. Концовка романа и его ранний этап скорее свидетельствуют о том, что Родрик Рэндом авантюристом не рожден, а подвержен преобразению и изменению.

Библиографические ссылки

1. Смоллетт Т. Приключения Родрика Рэндома / Т. Смоллетт ; пер. с англ. А. Кривцова, Е. Ланн. – М.: Худ. лит., 1949. – 552 с.
2. Beasley J. C. Novels of the 1740s / J. C. Beasley. – Athens : The University of Georgia Press, 1982. – 238 p.
3. Beasley J. C. Smollett's Art: The Novel as 'Picture' / J. C. Beasley // The First English Novelists: Essays in Understanding / [edited by J. M. Armistead]. – The University of Tennessee Press, 1985. – P. 143–158.
4. Bouce P.-G. The Novels of Tobias Smollett / P.-G. Bouce ; translated by A. White. – Lnd, N. Y.: Longman, 1976. – 406 p.
5. Giddings R. Tobias George Smollett / R. Giddings. – Lnd.: Greenwich Exchange, 1995. – 76 p.
6. Goldberg M. A. Smollett and the Scottish School. Studies in eighteenth-century thought / M. A. Goldberg. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1959. – 191 p.
7. Knapp L. M. Tobias Smollett. Doctor of Men and Manners / L. M. Knapp. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1949. – 362 p.
8. Probyn Cl. T. English Fiction of the Eighteenth Century 1700-1789 / Cl. T. Probyn. – Lnd, N. Y.: Longman, 1987. – 244 p.
9. Smollett T. G. The Adventures of Roderick Random / T.G. Smollett // The Works of Tobias Smollett / [edited by D. Herbert]. – Lnd. and Edinburg, 1878. – P. 41–196.

Надійшла до редколегії 7 жовтня 2014 р.